

Научная статья

УДК 81.23

DOI 10.17223/18137083/95/17

Типология российских полиглотов в исторической перспективе

Дина Борисовна Никуличева

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

nikoulitcheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9281-0726>

Аннотация

Задача статьи состоит в исследовании того, как количественно и качественно менялось приобретенное многоязычие в России на протяжении трех последних столетий. Методика исследования носит сопоставительный характер. Учитываются качественные (социальные, этнические, гендерные, возрастные) факторы, а также количество и набор языков, типичных для российских мультилингвов в разные исторические эпохи. Важной теоретической частью статьи является обсуждение рабочего определения понятия «полиглот». В целях сопоставимости результатов исследования используется количественный критерий – владение не менее чем семью языками. Новизна результатов состоит в установлении четырех исторических типов языковой личности российских полиглотов: полиглоты-аристократы, полиглоты-ученые, полиглоты-энтузиасты советского времени, полиглоты эпохи цифровизации.

Ключевые слова

языковая личность, приобретенное многоязычие, полиглотия, историческая динамика, лингводидактическая практика

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0008, поддержанного Министерством образования и науки РФ

Для цитирования

Никуличева Д. Б. Типология российских полиглотов в исторической перспективе // Сибирский филологический журнал. 2026. № 2. С. 252–265. DOI 10.17223/18137083/95/17

© Никуличева Д. Б., 2026

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 2. С. 252–265

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 2, pp. 252–265

Typology of Russian polyglots in a historical perspective

Dina B. Nikulicheva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

nikoulitcheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9281-0726>

Abstract

This article analyzes the quantitative and qualitative shifts in acquired multilingualism within Russia over the last three centuries, focusing on its distinct evolutionary trajectory. The research examines Russian polyglots as a distinct linguistic profile, covering the period from the early 1700s to the first quarter of the 2000s. Comparing social, ethnic, gender, and age factors alongside the number and range of languages used identifies the historical dynamics of Russian multilingualism. A significant theoretical contribution is the discussion surrounding the operational definition of a “polyglot.” A proficiency benchmark of a minimum of seven languages is utilized to guarantee precise comparisons and to differentiate between typical multilingualism and genuine hyperpolyglotism. A novel classification involving four periods and their corresponding polyglot archetypes is proposed: polyglot aristocrats, polyglot scholars, polyglot enthusiasts of the Soviet era, and online polyglots. Alexander Griboedov, Alexander Pushkin, and Leo Tolstoy represent the first category. The second comprises scholars such as Alexander Vostokov, Vasily Bartold, Ivan Boduen de Courtenay, and Alexander Kazem-Bek. Soviet polyglots, including Anatoly Starostin, Sergey Khalipov, Irina Shubina, and Willi Melnikov, represent the third group. Notable 21st-century polyglots are Dmitry Petrov, Alan Bigulov, Yan Aleshkevich, and Bela Devyatkina. The research explores the evolution from aristocratic education as a catalyst to the multi-ethnic scholarly tradition and the Soviet “enthusiast” movement. For the 21st century, the study highlights personalized lingua-didactic strategies, reliance on AI technologies, and the revival of early multilingual upbringing. Ultimately, the work demonstrates the polyglot personality adaptation to the shifting sociocultural and technological landscapes of Russia.

Keywords

linguistic personality, acquired multilingualism, polyglottery, historical dynamics, lingua-didactic practice

Acknowledgments

This work was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation under project FMNE-2025-0008

For citation

Nikulicheva D. B. Tipologiya rossiyskikh poliglотов v istoricheskoy perspective [Typology of Russian polyglots in historical perspective]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2026, no. 2, pp. 252–265. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/95/17

Введение

Определение понятий «языковая личность», «мультилингв», «полиглот»

Говоря о языковой личности, автор статьи придерживается определения, предложенного Ю. Н. Карауловым: языковая личность – это «человек в его способности воспринимать и порождать речь (дискурс), владеющий системой языка и использующий ее для достижения в процессе коммуникации тех или иных неречевых и речевых целей» [Караулов, 1987, с. 42]. Подчеркнем, что языковая лич-

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 2

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 2

ность – социальное понятие, которое формируется в ходе обучения, воспитания и сознательного усвоения норм и правил своего социума и своего времени.

Для целей данной статьи также следует оговорить довольно условную границу между многоязычной языковой личностью и личностью полиглота. Существует несколько разных определений, включающих количественные и качественные (ценностные, онтологические, телеологические и поведенческие) характеристики людей, именуемых полиглотами.

На Круглом столе «Полиглотия» на международной конференции «Язык, сознание, коммуникация» 2024 г. в докладе «Language Maintenance in Multilinguals from a Dynamic Model of Multilingualism Perspective. Research Results»¹ Клаудия Пеллегрини подняла вопрос о соотношении полиглотии и мультилингвизма и отметила разные подходы к их разграничению. В качестве полного неразличения понятий ею было приведено высказывание из статьи Е. Тодевой: «Polyglot is typically defined as a generic term for a multilingual person, not infrequently in reference to people with an impressive number of mastery of languages» 'Полиглот обычно определяется как общее название многоязычного человека, нередко по отношению к людям, владеющим впечатляющим количеством языков' [Todeva, Cenoz, 2009, p. 18]. В отличие от К. Пеллегрини, мы, считаем, что в этом определении все равно имплицитно присутствует количественный критерий («impressive number of languages»). Это число, отличающее мультилингва от полиглота, было впервые эксплицировано в книге Д. Л. Спивака [1989], предложившего на основе опроса многих знакомых полиглотов так называемое «правило семи», т. е. семь языков как количество, достаточное для того, чтобы с полным основанием называть человека полиглотом. Комментируя «правило семи языков», М. Эрард пишет, что, хотя это правило является спорным, никто пока не предложил весомых контраргументов. Сам М. Эрард косвенно подтверждает «правило семи» статистическими опросами, результаты которых обобщены им в сводной таблице [Erard, 2012, p. 225], где анкетирование более 170 многоязычных респондентов демонстрирует резкое количественное сокращение числа людей, владеющих 7 и более языками, по сравнению с многоязычными респондентами, знающими до 6 языков. Существуют и более скромные количественные критерии. Так, Том Кокс в статье о стратегиях изучения языков пятнадцатью современными полиглотами пишет: «If you speak two languages you're bilingual, if you speak three you're trilingual. If you speak more, you may be considered a polyglot»² 'Если вы говорите на двух языках, то вы билингв, если на трех, то трилингв. Если на большем количестве, то вас можно считать полиглотом'. Однако из тех пятнадцати полиглотов, которых Кокс рассматривает в своей статье, все владеют как раз не менее чем семью языками.

Часто в основу определения кладут ценностный критерий: «A high motivation, an open-minded attitude towards other languages and cultures, perseverance and self-discipline are characteristic features of a polyglot» [Pellegrini, 2020, p. iii] 'Высокая мотивация, открытое отношение к другим языкам и культурам, настойчивость и самодисциплина – характерные черты полиглота'.

¹ Программа II Международной конференции «Язык, сознание, коммуникация: методология и гуманитарные практики». Москва, Сеченовский университет, 08–10.04.2024. URL: https://docs.google.com/viewerng/viewer?url=https://language.confreg.org/libs/files/programma_lingvistika_2024.pdf (дата обращения 20.06.2024).

² Tom Cox. 15 famous polyglots and their best ways to learn a language. 2024. URL: <https://preply.com/en/blog/polyglots/> (дата обращения 20.03.2025).

Для российской школы исследования полиглотики важным является онтологический критерий: «Polyglots as individuals who know multiple languages as a result of consciously learning them, and multilinguals, those who can speak several languages thanks to having assimilated them uncounsciously in a multilingual environment» ‘Полиглоты – это люди, которые знают несколько языков в результате их осознанного изучения, а многоязычные люди – это люди, которые могут говорить на нескольких языках благодаря их неосознанной ассимиляции в многоязычной среде’ [Kazakov, 2016, p. 135]. Автор данной статьи в предыдущих работах рассматривала полиглотию как приобретенное многоязычие и определяла полиглотов как людей, «во взрослом состоянии достигающих впечатляющих результатов в изучении множества новых языков именно за счет того, что на основе интуитивно выработанных стратегий они смогли задействовать полный потенциал способностей и свойств собственной личности и тем самым оптимизировать процесс изучения языка» [Никуличева, 2013б, с. 91].

Исследование исторической динамики явления полиглотики в России, результаты которого излагаются в данной статье, побудило к тому, чтобы пересмотреть это определение и включить в понятие полиглотики высокое многоязычие (7+ языков), искусственно приобретаемое начиная с детского или подросткового возраста и развиваемое на протяжении всей жизни, что не отменяет таких обязательных качеств полиглотов, как страсть к изучению языков, высокая мотивация, открытое отношение к другим языкам и культурам, настойчивость и самодисциплина.

Толчком для такого переосмысления стала та роль, которую в формировании тенденции к полиглотики играет *раннее искусственное многоязычие*. В этом наглядно убеждаешься, обращаясь к специфике дворянского языкового образования в России XVIII–XIX вв.

Дворянское языковое образование в России XVIII–XIX вв. как предпосылка к формированию полиглотики

Прорубленное Петром I «окно в Европу» кардинально повлияло на формирование отношения к изучению языков среди высших классов. Еще при Петре I боярских детей стали посылать учиться в Голландию, Францию, Англию. Присоединение остзейских губерний по результатам Северной войны (Ништадтский мир 1721 г.) и вхождение в состав Российской империи бывшего Курляндского герцогства в результате третьего раздела Польши при Екатерине II в 1795 г. способствовали массовому притоку на государственную службу немецкоязычных аристократов и представителей среднего класса.

Екатерининская эпоха укрепила основы дворянского многоязычия. Вот, например, как пишет своим родным в Ирландию о княгине Екатерине Романовне Воронцовой-Дашковой мисс Катрин Вильмонт, впоследствии издавшая мемуары Дашковой, надиктованные княгиней, кстати, по-французски, а потом вместе с Катрин Вильмонт переведенные ею на английский язык:

Ее разговор, увлекательный по своей простоте, доходит иногда до детской наивности. Она, несколько не думая, говорит разом по-французски, по-итальянски, по-русски, по-английски, путая все языки вместе. Она родилась быть министром или полководцем, ее место во главе государства [Герцен, 1859, с. VI–VII].

Следуя количественному критерию семи языков, Е. Р. Дашкову нельзя отнести к собственно полиглотам, но приобретенное ею в детстве многоязычие, несомненно, наложило отпечаток на развитие когнитивных способностей княгини, проявившихся впоследствии на научном поприще как директора Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге (1783–1796), первого председателя Императорской Академии Российской (1783–1796) и организатора первого толкового словаря русского языка (Словаря Академии Российской).

Массовое бегство аристократов из Франции от гонений Французской революции наполнило обе столицы империи большим количеством франкофонного населения, что еще более усилило тенденцию к обязательному многоязычию дворянского сословия за счет притока франкоязычных домашних воспитателей, гувернеров и гувернанток.

Происходит любопытное явление культурной интериоризации «чужого» и расширения понятия «свое» в языковом сознании многочисленной и политической наиболее влиятельной на тот момент социальной группы населения России.

В результате в XIX в. в России сложилась уникальная ситуация, задокументированная датским журналистом Робертом Ваттом, прибывшим в 1886 г. в Россию для освещения бракосочетания датской принцессы Дагмар с наследником престола будущим Александром III:

Санкт-Петербург – настолько нерусский город, насколько вообще можно себе представить город в России. Вы идете из английского клуба во французский театр и заканчиваете вечер в немецкой пивной; вы так долго бродите по идеально прямым, будто Берлинским, улицам или по «Проспектам», напоминающим европейские бульвары, что возникает желание пожить среди чего-то истинно русского [Ватт, 2026, с. 111].

Основные языки, которыми владели российские аристократы

1. *Русский язык* был основным для большинства аристократов, хотя долгое время использовался преимущественно для общения с крестьянами и в официальных делах. Лишь к концу XIX в. русский стал активно использоваться в светских кругах.

2. *Французский язык* был основным языком аристократии в России в XVIII и начале XIX в. Он использовался в повседневной светской жизни, переписке и общении, а также был языком дипломатии и культуры. Французский язык знали практически все аристократы, и он часто был их первым языком общения в детстве.

3. *Немецкий язык* был также широко распространен среди аристократов. Его знание было связано с тесными политическими и культурными отношениями между Россией и Германией, а также с тем, что в России проживало много немцев. Многие преподаватели и учителя в аристократических семьях были немцами, и это способствовало популярности языка.

4. *Английский язык* получил распространение с ростом интереса к английской литературе и политике в XIX в., его знание стало обязательным для высшего общества. Он считался менее популярным, чем французский или немецкий, но всё же использовался прогрессивной интеллигенцией и аристократией, особенно в конце XIX в.

5. *Итальянский язык* изучался многими аристократами, поскольку Италия была центром искусства и музыки. Итальянский был необходим для изучения оперы

и живописи, а также для путешествий по Италии, что было модным среди высших слоев.

6, 7. *Латинский и древнегреческий*: те аристократы, кто получил классическое образование, часто знали основы латинского и древнегреческого языков, поскольку эти языки преподавались в гимназиях и университетах как часть гуманитарного образования.

Как видим, это количество как раз и составляет уже то искомое владение 7 языками, которое является условным критерием, позволяющим отнести человека к числу полиглотов. А для членов Императорской фамилии, особенно цесаревичей (Александр II, Александр III), считалось необходимым в дополнение к вышеозначенным языкам знать еще и польский язык.

Таким образом, в России середины XIX в. дворянское многоязычие становится питательной средой и катализатором для всё более широкого распространения приобретенного многоязычия, вплоть до истинной полиглотики.

Изучив 3–4 языка в детстве, наиболее талантливые представители дворянского сословия уже во взрослом возрасте продолжают изучение языков и становятся настоящими полиглотами. Выдающиеся писатели XIX в. – наглядный тому пример.

Так, **А. С. Грибоедов** был настоящим полиглотом. С самого детства он обладал исключительными способностями, которые позволили ему поступить в Московский университет в 11 лет. К этому моменту Грибоедов уже свободно владел шестью языками – *английским, немецким, французским, итальянским, греческим и латынью*. Позже по долгу службы дипломатом в Персии он сосредоточился на изучении *арабского, турецкого, грузинского и персидского*. Освоение новых языков давалось ему необычайно легко. Грибоедов проявлял типичную для полиглота организованность и целеустремленность, занимаясь языками ежедневно по шесть и более часов.

А. С. Пушкин с детства в совершенстве знал не только русский, но и *французский*, и именно на нем он создал первые произведения. В дальнейшем он хорошо овладел *английским*, делал переводы с *немецкого, испанского и старофранцузского*, мог читать на *итальянском, сербском, польском, церковнославянском и древнегреческом*, был знаком с *латынью, арабским и турецким* языками. Большую часть его домашней библиотеки составляли издания на французском.

Л. Н. Толстой, как и многие его современники, начал осваивать иностранные языки еще в детстве. Гувернеры обучили его *немецкому и французскому*. Но настоящим полиглотом он стал позже самостоятельно. Так, готовясь к поступлению в Казанский университет, он овладел *татарским*. Позже Толстой в совершенстве выучил *английский и турецкий*, умел читать на *итальянском, латыни, греческом, болгарском, польском, чешском и сербском*. Как и Грибоедов, он мог заниматься по многу часов подряд, и это приносило свои плоды. По воспоминаниям жены Толстого, после трех месяцев изучения греческого языка он уже мог читать «Илиаду» Гомера в подлиннике³.

Разумеется, владение семью языками не было нормой. Среди представителей образованных классов существовали явные предпочтения, о которых Р. Ватт пишет следующим образом:

³ Русские писатели-полиглоты. URL: <https://www.culture.ru/materials/253545/russkie-pisateli-poliglotty?ysclid=m81vfnxd4w306071382> (дата обращения 20.01.2025).

Любопытно наблюдать, сколь разнообразна публика Михайловского театра, ведь здесь выступают и немецкая, и французская труппы. Если со сцены слышна французская речь, партер блистает мундирами гвардейских офицеров, а ложи заполнены дамами в таких одеяниях, словно они только что с бульваров Парижа, в то время же, когда звучит немецкая речь, театр наполняется биржевыми маклерами и коммерсантами со своими спутницами [Ватт, 2026, с. 76].

Дворянское многоязычие нередко служило поводом к критике со стороны низших классов:

Зачастую мещане обвиняют дворян в недостаточном патриотизме; но это обвинение вряд ли распространяется на сословие в целом. Претензии заключаются в том, что аристократы вывозят деньги из страны, проматывают свои огромные состояния в Париже и других европейских городах, *стремятся придать чужеземным языкам статус родного* и в целом предпочитают все иностранное [Ватт, 2026, с. 101].

Придание чужим языкам, в первую очередь французскому, «статуса родного», закладывало основы того «слепого подражания», которое так яростно критиковал устами Чацкого А. С. Грибоедов («Горе от ума», действие III, явление 22):

Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча.
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал – и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. –
<...>
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
[Грибоедов, 1971, с. 89–91]

Любопытно, что слова осуждения написаны именно А. С. Грибоедовым, человеком, владевшим чуть ли не наибольшим для своего времени количеством иностранных языков среди всех своих соотечественников. И это, на наш взгляд, не случайно. Ведь полиглотия – это не только способности к изучению множества языков, но и путь к расширению сознания. Та перспектива, которую давало А. С. Грибоедову владение множеством европейских и восточных языков, позволяла ему видеть всю неестественность отказа от родного языка и культуры.

Тем не менее, тенденция к многоязычному воспитанию детей в дворянском обществе сыграла положительную роль в формировании следующих поколений полиглотов, так как задавала некий *социальный ориентир*, так что *социальная престижность владения многими европейскими языками* начинает во второй половине XIX в. захватывать всё новые социальные слои. Вот как об этом пишет Р. Ватт:

Самое большое удовольствие для местных – послушать, как кто-то пытается говорить по-русски, а поскольку они, как правило, замечательно

знают другие языки, то имеют некоторое право ожидать, что и иностранцы постараются выучить русский. В высших кругах в основном говорят на французском, но его уже начинает вытеснять английский, скорее всего потому, что французским постепенно овладевает низший класс; дела же ведутся, как правило, на немецком [Ватт, 2026, с. 94].

Доступ средних классов к гимназическому и университетскому образованию во второй половине XIX в. создает питательную среду для появления нового типа полиглотов: полиглоты-ученые.

Полиглоты-филологи

Помимо дворянского образования, становлению личности полиглота способствовал и характерный для Российской империи *стык культур*. Так, полиглотами стали такие, жившие в России лингвисты иностранного происхождения, как выходец из Лифляндии специалист по сравнительному изучению древнеславянских текстов **Александр Христофорович Востоков** (Alexander Woldemar Osteneck, 1781–1864), помимо *русского* владевший *латинским, греческим, немецким, французским, итальянским* и *несколькими славянскими* языками; российский лингвист польского происхождения **Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ** (1845–1929), создававший труды по типологии, диалектологии и фонологии на *русском, польском, немецком, французском, итальянском, чешском, литовском* языках; один из основателей российской школы востоковедения **Василий Владимирович Бартольд** (Wilhelm Barthold, 1869–1930), родившийся в Петербурге в семье биржевого маклера немецкого происхождения и владевший, помимо *русского* и *немецкого, французским, английским, арабским, персидским* и многими *тюркскими* языками.

Благодаря своему евразийскому расположению и огромному богатству языков ее населения Российская империя дала миру многих выдающихся полиглотов-востоковедов, таких как Александр Касимович Казем-Бек (1802–1870), Илья Николаевич Березин (1818–1896), Владимир Алексеевич Жуковский (1858–1936) и др. Но особенно показательной в контексте данной статьи представляется языковая личность полиглота-востоковеда **Павла Яковлевича Петрова** (1814–1875).

Его пример наглядно показывает, как языковое воспитание в детстве дает импульс для последующего языкового образования и самообразования. П. Я. Петров не был ни аристократом, ни выходцем из многонациональной семьи. Его отец был учителем, а окончив службу в кадетском корпусе, занимался частным преподаванием. После смерти отца в 1826 г. Павел Петров был оставлен в доме князя А. П. Оболенского, бывшего тогда губернатором в Калуге. Там Петров получал домашнее образование вместе с десятью детьми князя. Поэтому *английский, немецкий* и *французский* были усвоены им так, как это происходило в дворянских семьях. В 14-летнем возрасте он был принят на подготовительное отделение Московского университета, самостоятельно изучая *калмыцкий* и *татарский*. Потом, уже в Санкт-Петербургском университете, Петров занимался *арабским, персидским* и *турецким* языками. В то же время самостоятельно он изучал *китайский* язык и *санскрит*, а в 1838 г. был отправлен Академией наук за границу, где в Берлине, Париже и Лондоне продолжал совершенствоваться в санскрите, а вернувшись, возглавил кафедру санскритского языка Московского университета. Важную роль для него играла имитация речевого поведения носителей языка. Подобно другим истинным полиглотам, Павел Петров стремился к полному практи-

ческому овладению языком, «преображаясь в настоящего индуса, араба, перса». Так, например, по данным статьи о П. Я. Петрове из журнала «Русская старина» (1876, т. XVII), «по-персидски он не только говорил, но и писал, и пел, и молился... качаясь в обе стороны и закрывая глаза». После смерти ученого в дар Московскому университету было передано его личное собрание книг по востоковедению на 116 языках⁴.

Таким образом, русские филологи-полиглоты XIX в. активно участвовали в становлении новых подходов к изучению языков, которые продолжали развиваться в XX в. Их многоязычие позволяло им изучать и сравнивать различные языковые системы, что стало основой для дальнейших исследований в области сравнительного языкознания.

Традиции российской дореволюционной академической полиглотики, компаративистики, востоковедения продолжились и в XX в. В качестве ярких примеров приведем здесь лингвистов **Евгения Дмитриевича Поливанова** (1891–1938) и **Сергея Анатольевича Старостина** (1953–2005). Научная деятельность первого пришлась в основном на первую треть XX в., а второго – на вторую половину XX столетия. Жизнь тоже сложилась по-разному. Е. Д. Поливанов после выступления против учения академика Марра был репрессирован, обвинен в шпионаже и расстрелян. С. А. Старостин прославился разработкой теории ностратических языков и был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по Отделению литературы и языка. Тем не менее, в полиглотики обоих много общего. И у того и у другого основы многоязычия были заложены в детстве традициями семьи. И тот и другой уже во взрослом возрасте изучили множество восточных языков разных семей и стали выдающимися компаративистами.

Евгений Поливанов происходил из дворянской семьи и свою научную деятельность начал еще до революции. В детстве он овладел *французским* и *немецким* языками. В советское время стал автором грамматик *японского, китайского, дунганского, туркменского, узбекского, казахского* и *бухаро-еврейского* языков, был одним из первых русских лингвистов, кто активно изучал *корейский* язык. В разной степени он владел восемнадцатью языками и работал с фонетикой, грамматикой и лексикой более чем тридцати языков. А Сергея Старостина выдающимся лингвистом сделало изучение языков Дальнего Востока, Кавказа и древних языковых семей. О его многоязычии академик В. В. Иванов писал, что Старостин говорил на нескольких десятках языков, а разбирался со словарем примерно на четырехстах языках. Но, как и у Дмитрия Поливанова, у Сергея Старостина многоязычие было заложено еще в детстве. Ведь, говоря о полиглотелингвисте Сергее Старостине, нельзя не упомянуть его отца, тоже полиглота, Анатолия Старостина, принадлежавшего к иному типу российских полиглотов советской эпохи.

Полиглоты-энтузиасты советского времени

Если дети **Анатолия Васильевича Старостина** (1919–1980) – лингвист Сергей и историк Борис (также знающий порядка 10 языков) – имели в лице отца ту *Kinderstube*, которая с детства устанавливала наглядный пример многоязычия и интерес к нему, характерный для классического дореволюционного образования высших классов, то Анатолий Старостин шел к своей полиглотики стихийно, по-

⁴ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Петров,_Павел_Яковлевич (дата обращения 20.01.2025).

вторая истории многих полиглотов советского времени. Объединяющей мотивацией для всех них было стремление открыться миру через самостоятельное изучение множества языков.

Анатолий Старостин начал самостоятельно учить языки со школьных лет. Еще будучи студентом исторического факультета МГУ, он преподавал на испанском языке историю в школе для испанских детей. Во время войны работал в отделении ТАСС на Дальнем Востоке в Хабаровске: используя свое знание многих языков, занимался радиоперехватом. С 1960 по 1978 г. вел семинары по художественному переводу (с *таджикского, азербайджанского, молдавского*) в Литературном институте им. Горького, работая при этом старшим контрольным редактором в Издательстве литературы на иностранных языках (впоследствии «Прогресс»), затем там же – заведующим *португальской* редакцией⁵. Подобно другим советским полиглотам-энтузиастам (Сергею Халипову, Вилли Мельникову, Ирине Шубиной и др.), описанным автором этой статьи в книгах о лингвистических и психологических стратегиях полиглотов [Никуличева, 2009; 2013а], А. В. Старостин учил языки самостоятельно, используя любую коммуникативную возможность и постоянно расширяя свой багаж за счет всё новых языков. Так, например, решив изучить *испанский* язык, он специально поехал вожатым в пионерлагерь к испанским детям и потом он уже говорил на испанском свободно. Путешествуя по советским республикам, он выучил во взрослом возрасте *азербайджанский* и *молдавский, таджикский* и *грузинский*, в эти же годы он освоил языки Прибалтики – *литовский* и *латышский* параллельно, *эстонский* отдельно.

Проявляемые Анатолием Старостиным стратегии и ценности (автодидактика, страсть к языкам и тяга к расширению границ своего мира, его «омногомериванию» за счет овладения множеством языков, как это называл Вилли Мельников) подробно описаны в указанных выше книгах на примере других советских полиглотов-энтузиастов, поэтому здесь мы не будем на них останавливаться и перейдем к тем тенденциям, которые можно выявить, исследуя полиглотов XXI в.

Российские полиглоты XXI века

XXI век демонстрирует усиление трех тенденций: во-первых, уклон в применение собственных стратегий полиглотов к практическому обучению языкам; во-вторых, использование возможностей новых технологий; в-третьих, попытка вернуться к традициям дворянского языкового образования при воспитании детей.

Проводившиеся в 2012–2016 гг. телевизионные курсы полиглота, переводчика-синхрониста **Дмитрия Юрьевича Петрова** (род. 1958), работающего с восьмью языками: *английским, французским, итальянским, испанским, немецким, чешским, греческим* и *хинди*, известны широкой публике и описаны в книге [Никуличева, 2013а].

Менее известен авторский курс молодого полиглота **Яна Вячеславовича Сулова-Алешеквича** (род. 1999). Ян окончил химфак МГУ и сейчас преподает химию будущим участникам олимпиад в Центре педагогического мастерства. В свои 24 года он выучил 17 языков, в том числе несколько древних. Именно как полиглот он участвовал в выпуске передачи «Удивительные люди» 9 июня 2023 г.

⁵ Переводы Анатолия Старостина. URL: <https://fantlab.ru/translator6669?ysclid=m2kg9ybkw530740059> (дата обращения 20.01.2025).

С 2022 г. он ведет и курс «Методики полиглотов и языкознание: основы эффективного изучения языков».

Наконец, особого внимания заслуживает методика полиглота **Алана Константиновича Бигулова**, (род. 1972), основанная на использовании возможностей Интернета и, в частности, общения на международных языковых платформах. В 2018–2021 гг. Алан Бигулов провел хорошо задокументированный эксперимент «10 языков за 1000 дней»⁶. Курс по последовательному развитию навыков устного общения на *эсперанто, немецком, японском, итальянском, индонезийском, фарси, хинди, арабском, турецком, китайском* стартовал 11 сентября 2018 г. и завершился 6 июня 2021 г.

Помимо жесткой временной организации, многочасовых ежедневных занятий и четко построенной под запросы ученика тематики обсуждений методика А. Бигулова строится на обязательном живом общении с самого начала с носителями изучаемых языков с применением таких современных электронных ресурсов, как языковые платформы <http://www.italki.com/>, <https://web.baselang.com/>, <https://en.amazingtalker.com/>, с целью научиться вести диалог на новом языке с незнакомым носителем в течение определенного времени на интересующие обоих собеседников общие темы.

К этой методике в последнее время прибавилось также активное использование возможностей искусственного интеллекта в изучении множества языков [Бигулов, 2026].

Отдельная тенденция связана с попытками со стороны некоторых родителей *возродить традиции многоязыкового дворянского образования*. Типичный пример – **Бэла Девяткина** (род. 2012). Вот что говорит в одном из интервью ее мать Юлия Девяткина:

Методика наших занятий, в общем, проста и была широко распространена в 18 веке, когда в дворянских семьях детей было принято обучать языкам с самого раннего возраста. Для этого ребёнку приглашали гувернёров-носителей языков, которые разговаривали и занимались с ребёнком в течение дня. Тогда считалось нормой, что дворянские дети в 4–5 лет говорили на 3–4 языках. Аналогичным образом занимались и мы с Беллой. Сначала я сама до 2 лет, а после 2 лет мы стали приглашать учителей-носителей языков <...> Я выбирала языки из разных языковых групп. Существуют научные исследования, которые говорят нам о том, что интеллект ребёнка очень активно развивается именно на фоне изучения абсолютно разных языков. В этом смысле гораздо интереснее одновременно изучать такие непохожие друг на друга языки, как арабский и китайский, чем, например, французский и испанский. Я хотела остановиться на 7 языках, но теперь Белла учит ещё и итальянский. Это исключительно её желание и выбор⁷.

В 3,5 года Бэла говорила на *английском, французском, немецком, испанском, китайском и арабском* языках. В 2016 г. она стала участницей программы «Удивительные люди». Сейчас девочка старается войти в актерскую профессию.

⁶ Проект «10 языков за 1000 дней». URL: <http://alanbigulov.ru/10-yazykov-za-1000-dnej/> (дата обращения 12.07.2021).

⁷ URL: <https://akademiakhv.ru/teaching/chto-stalo-s-belloy-devyatkinoy.html> (дата обращения 10.09.2024).

В 2019 г. она сыграла главную детскую роль на арабском языке в сериале «Трейдер» Энтони Уоллера. В ее актерском портфолио было указано, что она говорит на восьми языках: «русский – родной, английский – родной, французский – родной, немецкий – родной, испанский – родной, итальянский – свободно говорю, китайский – родной, греческий – свободно говорю»⁸.

На примере Бэлы Девяткиной мы можем наблюдать, как старинная аристократическая традиция раннего многоязычного образования работает в XXI в.

Заключение

В данной статье мы не рассматривали естественное многоязычие, производное от ассимиляции индивида в многоязычной среде его проживания, что также типично для многих регионов нашей страны.

В отношении же приобретенного многоязычия можно констатировать четыре культурно-исторических типа языковой личности российских полиглотов: полиглоты-аристократы, полиглоты-ученые, полиглоты-энтузиасты советского периода, полиглоты эпохи цифровизации. Между этими типами нет жестких границ, возможны переходы и взаимовлияния.

В XXI в. отмечается рост интереса к лингводидактическому применению опыта полиглотов, в том числе самими полиглотидами, а также к использованию IT- и AI-ресурсов для самостоятельного изучения множества новых языков.

Также можно наблюдать, что старинная русская аристократическая традиция раннего многоязычного образования работает и сегодня, а благодаря расширению межъязыкового интернет-общения она может получить новые, ранее невиданные перспективы.

Список литературы

Бигулов А. К. Эксперимент по применению методики гиперинтенсива для вхождения в разговорную практику немецкого языка только во взаимодействии с ИИ-тьюторами // Филологические науки в МГИМО. 2025. № 11 (3). С. 24–54. DOI 10.24833/2410-2423-2025-3-44-24-54

Ватт Р. Письма из России (Написано в сентябре и октябре 1866 г.) / Пер с дат. под ред. Е. Красновой. СПб.: Симпозиум, 2026. 122 с.

Герцен А. И. От издателя // Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой: Пер. с англ. Лондон: Изд. Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева, 1859. С. V–XVI.

Грибоедов А. С. Горе от ума. Л.: Дет. лит., 1971. 175 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Никуличева Д. Б. Как найти свой путь к иностранному языку: лингвистические и психологические стратегии полиглотов. М.: Флинта – Наука, 2009. 304 с.

Никуличева Д. Б. Говорим, читаем, пишем: лингвистические и психологические стратегии полиглотов. М.: Флинта – Наука, 2013а. 288 с.

Никуличева Д. Б. Применение психолингвистических стратегий полиглотов в практике изучения иностранных языков // Вопросы психолингвистики. 2013б. № 2 (18). С. 90–97.

⁸ Белла Девяткина, 12, Москва. Актер театра и кино. Официальный сайт: Kinolift (дата обращения 10.09.2024).

- Спивак Д. Л. Как стать полиглотом. Л.: Лениздат, 1989. 144 с.
- Erard M. *Babel No More: The Search for the World's Most Extraordinary Language Learners*. New York: Free Press, 2012. 306 p.
- Kazakov G. Polyglottery as a science // Finke W., Ashley L. (eds.). *International Conference on Multilingual Proficiency: Language, Polyglossia and Polyglottery*. New York: The American Society of Geolinguistics, 2016. P. 133–137.
- Pellegrini C. What Polyglots Can Teach Us. *Language Maintenance in Multilinguals from a Dynamic Model of Multilingualism Perspective*. University of Innsbruck, 2020. 372 p.
- Todeva E., Cenoz J. Multilingualism: Emic and etic perspectives // Todeva E., Cenoz J. (eds.). *The multiple realities of multilingualism: Personal narratives and researchers' perspectives*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 1–32. (Trends in applied linguistics; iss. 3)

References

- Bigulov A. K. Eksperiment po primeneniyu metodiki giperintensiva dlya vkhozhdeniya v razgovornuyu praktiku nemetskogo yazyka tol'ko vo vzaimodeystvii s II-t'yutorami [Experiment on the application of the hyperintensive method for entering into conversational practice of the German language only in interaction with AI tutors]. *Filologicheskiye nauki v MGIMO* [MGIMO Journal of Language Research and Teaching]. 2025, no. 11 (3), pp. 24–54. DOI 10.24833/2410-2423-2025-3-44-24-54
- Erard M. *Babel no more: the search for the world's most extraordinary language learners*. New York, Free Press, 2012, 306 p.
- Herzen A. I. Ot izdatelya [From the editor]. In *Zapiski knyagini E. R. Dashkovoy, pisannye eyu samoy* [Memoirs of Princess Dachkaw written by herself]. London, Free Russian Printing House of A. I. Herzen and N. P. Ogarev, 1859, pp. V–XVI.
- Griboedov A. S. *Gore ot uma* [Woe from wit]. Leningrad, Det. lit., 1971, 175 p.
- Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka, 1987, 264 p.
- Kazakov G. Polyglottery as a science. In *International Conference on multilingual proficiency: Language, Polyglossia and Polyglottery*. Finke W., Ashley L. (Eds.). New York, The American Society of Geolinguistics, 2016, pp. 133–137.
- Nikulicheva D. B. *Kak nayti svoy put' k inostrannym yazykam: lingvisticheskie i psikhologicheskie strategii poliglотов* [How to find your way to foreign languages. Linguistic and psychologic strategies of polyglots]. Moscow, Flinta–Nauka, 2009, 304 p.
- Nikulicheva D. B. *Govorim, chitaem, pishem: lingvisticheskie i psikhologicheskie strategii poliglотов* [Speaking, reading, writing: Linguistic and psychologic strategies of polyglots]. Moscow, Flinta–Nauka, 2013, 288 p.
- Nikulicheva D. B. Primenenie psikholingvisticheskikh strategiy poliglотов v praktike izucheniya inostrannykh yazykov [Application of psycholinguistic strategies of polyglots for language learning]. *Journal of Psycholinguistics*. 2013a, no. 2 (18), pp. 90–97.
- Spivak D. L. *Kak stat' poliglottom* [How to become a polyglot]. Leningrad, Lenizdat, 1989, 144 p.
- Pellegrini C. *What polyglots can teach us. Language maintenance in multilinguals from a dynamic model of multilingualism perspective*. University of Innsbruck, 2020, 372 p.

Todeva E., Cenoz, J. Multilingualism: Emic and etic perspectives. In *The multiple realities of multilingualism: Personal narratives and researchers' perspectives*. Todeva E., Cenoz J. (Eds.). New York, Mouton de Gruyter. 2009, pp. 1–32. (Trends in applied linguistics; iss. 3)

Watt R. *Pis'ma iz Rossii (Napisano v sentyabre i oktyabre 1866 g.)* ["Letters from Russia (Written in September and October 1866)]. E. Krasnova (Ed.). St. Petersburg, Simpozium, 2026, 122 p.

Информация об авторе

Дина Борисовна Никуличева, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник и заведующая сектором германских языков Института языкознания Российской академии наук (Москва, Россия)

Scopus Author ID 58605992900

WoS Researcher ID ABD-6376-2021

Information about the author

Dina B. Nikulicheva, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Germanic languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Scopus Author ID 58605992900

WoS Researcher ID ABD-6376-2021

Статья поступила в редакцию 27.03.2025;

одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 30.04.2025

The article was submitted on 27.03.2025;

approved after reviewing on 30.04.2025; accepted for publication on 30.04.2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 2

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 2